

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

Русская литература

И С Т О Р И К О - Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й Ж У Р Н А Л

1968

Год издания одиннадцатый

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « Н А У К А »
Л Е Н И Н Г Р А Д С К О Е О Т Д Е Л Е Н И Е
Л Е Н И Н Г Р А Д

ПОЛЕМИКА

Д. С. ЛИХАЧЕВ

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНООБРАЗИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ

В начале своей статьи «Национальное своеобразие и проблема стилей» («Русская литература», 1967, № 3) А. А. Морозов пишет о моей книге «Поэтика древнерусской литературы»: «Д. С. Лихачев ставит вопрос о национальном своеобразии древнерусской литературы и связи с проблемой национальных стилей» (стр. 102). Это сплошное недоразумение. Ни о каком национальном своеобразии русской литературы я не пишу и даже термина этого не употребляю. Что же касается до «национальных стилей», то я вообще не понимаю этого термина А. А. Морозова.

Нedorазумение вызвано, очевидно, стремлением искусственно увязать тему своей статьи с некоторыми поднимаемыми мною вопросами.

В отдельных разделах моей книги говорится о своеобразии древней русской литературы сравнительно с новой русской литературой, т. е. о чертах *различия* внутри единой национальной литературы, тогда как национальное своеобразие, очевидно, должно было бы *объединять* общими чертами все развитие русской литературы — от древней до новой и новейшей включительно.

В заключении к своей книге я пишу об изучении национальных особенностей культур, но только как о задаче будущего.

Вопрос о национальном своеобразии очень редко затрагивался мною и в предшествующих работах. Одна из первых моих книг, правда, была посвящена национальному самосознанию (Национальное самосознание древней Руси. Изд. АН СССР, М.—Л., 1945), но «самосознание» и «своеобразие» понятия различные, хотя они и связываются иногда общим прилагательным «национальное».

На разъяснении этого недоразумения я бы и мог поставить точку в своей полемике с А. А. Морозовым, ибо спорить по отдельным вопросам, которые один автор привлекает для разрешения одной проблемы, а другой — для разрешения совершенно иной, было бы практически бесполезно. Однако затронутый А. А. Морозовым вопрос о «национальном своеобразии» настолько важен, что просто пройти мимо него нельзя.

А. А. Морозов пишет: «Проблему своеобразия русской литературы можно решить, *лишь* (курсив мой, — Д. Л.) поставив проблему своеобразия национальных стилей, изучив исторические условия и пути их формирования» (стр. 109). Правда, далее А. А. Морозов оговаривается: «Конечно, это не единственный аспект изучения вопроса» (стр. 109), однако в своей статье он рассматривает проблему национального своеобразия литературы лишь как проблему стиля. Между тем вопрос о национальном своеобразии литературы — это только в последнюю очередь вопрос стиля. При всей широте вполне законного искусствоведческого понимания термина «стиль» («стиль эпохи», «господствующий стиль времени» и пр.), объединяющего и явления формы, и явления идеологии (последние, однако, тоже только со стороны их «стилистической», внешней структуры), вопрос о национальном своеобразии гораздо сложнее. Нельзя видеть в национальном своеобразии литературы главным образом национальные варианты общеевропейских стилей «Ренессанс», «барокко» и пр. Варианты стилей — лишь производное национального своеобразия, а не само национальное своеобразие. Поэтому решать вопрос о национальном варианте барокко нельзя, не решив вопроса о том, в чем же состоит подлинное национальное своеобразие русской литературы XVII—первой половины XVIII века.

Ниже я постараюсь указать на некоторые (отнюдь не все) аспекты изучения этой проблемы.

Национальное своеобразие литературы — это прежде всего национальное своеобразие путей ее развития, своеобразие ее исторических судеб и своеобразие форм классовой борьбы, сказавшейся в литературе, расстановки в ней идейных сил. Иными словами, национальное своеобразие литературы есть, в первую очередь, не своеобразие «общности художественного сознания», не «историческое единство действительности», как оно, по мнению А. А. Морозова, выражается в стиле, а своеобразие классовой борьбы, идейных конфликтов и противоречий,

которые в литературе отражают борьбу, конфликты и противоречия национальной действительности.

Действительность *действует*, и самое главное — именно это действие. Связь литературы с действительностью — в *динамике* борьбы, а *статика* стиля — лишь один из немногих моментов этого действия, поскольку статика всегда только момент динамики.

А. А. Морозов пишет: «Представление о развитии искусства только как о конгломерате сосуществующих, борющихся и противоречивых стилей, игнорирует историческое единство действительности, а следовательно, и объективный критерий ее познания» (стр. 109—110). К этому не совсем ясному своему положению А. А. Морозов добавляет: «Невзирая на антагонизм и борьбу различных стилей и течений в искусстве, они в своей совокупности отражают реальную историческую действительность во всем ее многообразии и противоречивых преломлениях, связанных с социальными противоречиями и общественной борьбой. Это и создает *общее единство* (курсив мой, — Д. Л.) типичных черт художественной культуры времени» (стр. 110). Заявление это крайне запутывает вопрос. Единство создается на основе отражения многообразия? Понять это можно только так, что искусство едино в своем отражении действительности. Тогда действительно, единство может создаться даже на основе отражения борьбы, многообразия и противоречий. Но как раз это-то и ошибочно. Искусство не представляет собой такого единства и особенно — русское искусство XVII века, в котором отчетливо видны разные классовые линии: литература придворная, литература демократического посада, литература церковная и т. д.

Я предвижу «коварный» вопрос: не анализирую ли я сам эту статику в книге «Поэтика древнерусской литературы»? Совершенно правильно: именно статике, статической структуре древнерусской литературы я уделяю в книге главное внимание. Но при этом каждый раздел книги я стремлюсь все же построить так, чтобы напомнить читателю о движении анализируемого мною явления (ср. главы о поэтике художественного времени, да и все остальные). Однако именно потому, что я говорю о статике, о поэтике, я и не затрагиваю в своей книге вопроса о национальном своеобразии древнерусской литературы. Изучая только поэтику (а ведь это шире, чем изучение стиля, хотя бы и в широком, искусствоведческом понимании этого слова), мы получаем слишком мало материала для окончательных выводов о национальном своеобразии литературы.

Вот почему и сам А. А. Морозов при всей гибкости и эластичности своего анализа стиля барокко не сделал выводов о том, в чем же состоит национальная специфика русской литературы XVII века, завербованной им целиком в полчища и полки одного общевропейского «стиля эпохи», столь выразительно им при этом охарактеризованного.

Однако при всей выразительности характеристики стиля барокко А. А. Морозов не упомянул ни одной черты, которая не была бы характеристична и для предшествующих веков средневековой русской литературы, в частности для периода господства эмоционально-экспрессивного стиля: «неожиданное и поражающее воображение сопряжение идей, образов и представлений»; метафоризм, пристрастие к антитезам и контрастам, гиперболам, динамизм, аффектация и пр. Такие явления, как сочетания отвлеченности и натурализма, аллегорика, эмблематика, были вообще типичны для средневековой русской литературы (ср. Хронику Манассии, Русский Хронограф и пр.).

И вместе с тем все эти черты получали в этом стиле такое идейное наполнение, которое отнюдь не может быть признано «национальным своеобразием» русской оригинальной литературы XVII века. Возьмем хотя бы «Великое Зерцало», которое А. А. Морозов считает типичным произведением барокко XVII века. «Великое Зерцало» характеризуется А. А. Морозовым вполне определенно: это «порождение незуитской эрудиции» (стр. 114), «с его взвинченной до изуверства экзальтацией и чувственностью» (стр. 115), оно пронизано «духом воинствующего католицизма» (стр. 115), в нем «вместо свободного полужызыкального гедонизма выступает извращенная и взвинченная эротика. Мотивы кровосмешения, кощунства, страшных злодеяний сопровождаются ужасающими карами, чаще всего чудесного, неземного происхождения. Многие новеллы разработаны в аллегоризирующем плане барочного гротеска, полны жуткими и отвратительными образами» (стр. 115). Не буду приводить эти жуткие образы. Скажу только, что в характеристике «Великого Зерцала», мне представляется, во многом прав именно А. А. Морозов, а не О. А. Державина, с которой он спорит. Но почему в таком случае именно отсюда надо выводить национальный стиль «Жития» протопопа Аввакума?

А. А. Морозов, я думаю, правильно указал на черты барокко в «Житии» Аввакума, но этих черт в «Житии» не так уж много и уж абсолютно недопустимо видеть в «Житии» *только* барокко, *типичное* барокко.

А. А. Морозов не будет отрицать, я думаю, разную степень причастности к стилю барокко отдельных памятников. Одно дело «Пентатеугум» Андрея Блобоцкого, произведения Симеона Полоцкого и «Великое Зерцало», другое — сочине-

ния Аввакума. Ведь А. А. Морозов сам связывает барочные элементы в стиле «Жития» Аввакума с его начитанностью в «Великом Зерцале» (стр. 121), хотя и эговаривает значение «общей стилистической атмосферы» (стр. 121). Но раз барочность «Жития» определяется в какой-то мере «Великим Зерцалом», — значит, в «Великом Зерцале» все-таки больше элементов барокко, чем у Аввакума.

Чтобы показать неравновеликую долю барокко в отдельных памятниках, напомню, что в XVII веке в литературу усиленно вторгается фольклор, начинают делаться первые записи фольклорных произведений, возникают различные (разной степени) подражания фольклору (песни Квашнина-Самарина, «Повесть о Горе Злочастии», произведения демократической сатиры и пр.). Это типичное явление эпохи. Могут сказать, что обращение к фольклору есть как раз одна из черт, характерных для барокко. Пусть так, но ведь сам то фольклор в XVII веке не подчиняется стилю барокко! Значит, «Повесть о Горе Злочастии» тем только и барочна, что на три четверти, если не больше, принадлежит отнюдь не барочному фольклору! Вдумайтесь в ситуацию. Ведь «Повесть о Горе Злочастии» как раз одно из самых национальных произведений русской литературы. «Руссизм» (выражение А. С. Орлова) «Повести о Горе Злочастии» ведь не сравнишь с «руссизмом» «Пентатеугума» Белобочкогo.

С другой стороны, наиболее барочный писатель XVII века Симеон Полоцкий почти лишен специфически русских черт стиля. Его барокко в равной степени украинское (на нем он воспитывался), белорусское (он был из Белоруссии) и русское. Не очень то легко выделить в его поэзии именно русское национальное своеобразие барокко.

Все примеры, приведенные в статье А. А. Морозова, на которых он стремится показать образование национального своеобразия в стиле барокко, блестяще доказывают противоположное: национальное своеобразие явилось в русской литературе XVII века вопреки барокко, а не благодаря ему. Внимательный читатель статьи А. А. Морозова сам в этом может убедиться. Национальные черты в общевропейском стиле барокко — это как раз отступления от этого стиля, а не углубление его. Для России XVII века это крайне типично. Иначе Россия была бы не менее барочной страной, чем любая другая европейская страна, откуда к нам и перепло барокко.

Следовательно, никак нельзя согласиться с А. А. Морозовым, что «национальный колорит» русской литературы XVII века надо связывать именно с появлением барокко (стр. 108). Национальный колорит *слабее* всего проявился в тех произведениях, которые *слабее* всего были связаны с барокко.

Называть русско-украинское барокко XVII века русским «национальным стилем» (стр. 109), хотя бы имея в виду его национальный русский вариант, — по меньшей мере необоснованно.

* * *

Трудность вопроса о национальном своеобразии русской литературы заключается еще в том, что национальное своеобразие всякой литературы стоит в очевидной зависимости от национального характера народа. Но что такое этот национальный характер? Этнопсихология как наука развита еще крайне слабо. Вопрос о национальном характере крайне сложный, так как он должен разрабатываться этнопсихологами совместно с историками (в частности, историками различных отраслей культуры, экономики и пр.), биологами (в частности, генетиками), антропологами, этнографами и многими другими специалистами.

Скажу откровенно: я не верю в возможность открытия таких отдельных черт национального характера, которые 1) были бы присущи только одной нации или национальности, 2) были бы свойственны всем классам, всем возрастам и обоим полам этой нации или национальности, 3) существовали бы в разных географических зонах, населенных этой нацией или национальностью, и 4) оставались бы в какой-то мере устойчивыми и традиционными при всех сменах общественных формаций.

В очень интересной, хотя во многом и спорной статье «О национальных картинах мира» («Народы Азии и Африки», 1967, № 1) Г. Д. Гачев пишет: «Национальный характер народа, мысли, литературы — очень „хитрая“ и трудно уловимая „материя“. Ощущаешь, что он есть, но когда пытаешься его определить в слове, — он часто улечувивается, и ловишь себя на том, что говоришь банальности, вещи необязательные, или хватаешься за то, что присуще не только данному, а любому, всем народам. Избежать этой опасности нельзя, можно лишь постоянно помнить о ней и пытаться с ней бороться.

Менее всего поддается национальное своеобразие лобовой атаке: когда пытаешься подступиться к нему с заранее подготовленными формулами и определениями. Ибо суть и назначение формул, определений и терминов — всеобщность, т. е. применимость ко всем случаям. Значит, они противопоказаны как оружие „в охоте“ за национальным своеобразием» (стр. 82).

Суть заключается, как мне кажется, в том, что характер любого человека не существует сам по себе, в «безвоздушном пространстве». Характер проявляется

в соотношении с другими характерами, в социальной среде. Характеры людей входят в определенную систему, они соотносятся между собой, они сталкиваются, сопротивляются друг другу или тянутся друг к другу, поддерживают один другого. И только в этих соотношениях они проявляются. Человек по природе своей социален. Вне окружающего его нет. И это как то недостаточно учитывается. Вот почему есть типы русских, но нет единого типа русского. В русской литературе мы имеем огромное множество типично русских характеров, но никто из этих характеров — носителей русских черт — не мог бы один представлять русский народ как таковой. Как много критиков XIX века пытались канонизировать Обломова как русский тип. Что от этих потуг осталось сейчас? Возьмем такого ярко национального писателя XIX века, как А. Н. Островский. Он создал галерею типично русских людей, но разве все они похожи друг на друга? Русские, типично русские, — и Любим Торцов, и Катерина из «Грозы», но только для определенной среды и определенной эпохи.

А отсюда вывод: национальное своеобразие — это историческая категория и не надклассовая. В XIX веке оно проявляется в классовом облике. Это очень важно.

Нет одного национального характера, есть много характеров, особенно (но не исключительно) свойственных данной нации. Эти характеры часто противоречивы. Некоторые из них канули в прошлое, некоторые вновь появляются. Это целая «ассоциация» характеров. Одни из этих характеров и типов выросли на основе многовекового национального развития, другие — мелькнули на национальном горизонте и исчезли. Необходимо изучить эти характеры, а главное — те сочетания, в которые эти характеры входили, ибо человек не существует сам по себе. Один тип человека существует потому, что есть и противоположный ему тип. Характеры как бы дополняют друг друга. Это — «сообщество» характеров и типов, и оно все время движется вместе с движением истории, при всей силе национальных традиций. Здесь также должна быть вскрыта динамика.

Я не хочу слепить глаза читателям видимостью эрудиции, нагромождая имена и названия. Эту хитрую мудрость легко осуществить. Читатель и сам вспомнит, однако, достаточное количество примеров, которые могли бы проиллюстрировать мою мысль.

Нация, национальность проявляются разнообразно, а не единообразно. Правильнее говорить не о национальном характере народа, а о сочетании в нем различных характеров, каждый из которых в той или иной мере национален. Свообразие этого сочетания не менее важно, чем и своеобразие самих характеров. Но, кроме того, следует изучать и исторические изменения этого сочетания. Эти характеры, их сочетания не остаются неизменными. Они развиваются, усложняются, «воспитываются» историей. Каждый характер имеет свою социальную и национальные функции.

Меня могут спросить: неужели нет ничего общего между русским рабочим XIX века и русским капиталистом XIX века? Ведь общее между ними как-то ощущается! Да, «ощущается», но не определяется. Не определяется же оно именно тогда, когда мы относимся к национальному характеру как к категории метафизической, замкнутой в себе. Но если мы попытаемся рассматривать национальный характер обоих (русского рабочего и русского капиталиста) в их *функциях* в границах нации определенного периода истории, то это общее легко найти и определить, а не только «ощутить». Оба — и русский рабочий, и русский капиталист — находятся в единой системе русской нации. Это совсем разные части единой, органически крепкой структуры. В этой динамической, двигающейся, развивающейся структуре оба занимают свои незаменимые места, оба «действуют» в этой структуре нации, оба соотносятся между собой, несут определенные социальные функции.

Вот почему национальные характеры могут быть поняты только в связи с действительностью. Единство нации — это единство динамической структуры, а не единство застывшей однородности. И чем богаче эта структура, чем сложнее, чем больше в нации национальных характеров, созданных в этой действительности и функционирующих в ней, тем богаче и само национальное своеобразие.

Почему все это важно для определения национального своеобразия литературы? Литература — это, в первую очередь, люди: люди — создатели литературы и люди — герои ее произведений. Поэтому национальное своеобразие литературы в значительной мере зависит от национального характера ее писателей и определяется национальным своеобразием их героев. Литература же, в свою очередь, очень важна для определения национального своеобразия, так как своеобразие, в первую очередь, раскрывается в творчестве, в характере творчества людей данной нации.

* * *

Но вернемся к действительности, которая формирует национальное своеобразие литературы.

Связь литературы с действительностью не абстрактна. Ее следует не только декларировать, но и изучать. Если мы говорим о национальном своеобразии, то

как мы можем игнорировать длительный процесс образования народности, национальности и нации?

Приходится постоянно слышать и читать о том, что национальное своеобразие литературы если не исчезает, то уменьшается в XVIII и XIX веках. Русская литература в эти века становится якобы более «европейской», в ней стираются национальные границы и пр., и пр.

Признаюсь, я не понимаю, как могут так говорить исследователи, знакомые с историей и с историей русской литературы, с процессом образования русской нации.

Не может же быть так, что нация складывается к XVII веку, а национальное своеобразие, напротив, именно с этого времени как бы «рассасывается» и уменьшается.

Такие представления — результат крайне невнимательного отношения к древнерусской литературе и русской истории вообще. Некоторые исследователи принимают своеобразие древней русской литературы по отношению к новой литературе за своеобразие национальное (ошибка, которой не избежал, как мы отметили, и А. А. Морозов). Они видят в «экзотике» древнерусской литературы ее национальную специфику. Им кажется, что именно древнерусская литература наиболее «национальна». Романтизация «старины»!

Между тем процесс сложения национальных особенностей древнерусской литературы идет постепенно и начинается с малого. Первые века древнерусской литературы поражают обилием переводов и памятников, созданных на церковнославянском языке — общем литературно-культовом языке южных и восточных славян. На этом церковнославянском языке создавалась своеобразная наднациональная литература — литература, служившая общению славян между собой и приобщившая восточных и южных славян, а также румын к общеевропейской литературе того времени в значительной мере с помощью многонациональной византийской литературы. В этой литературе посреднице был и большой слой памятников, созданных в самих славянских странах: в Болгарии, Сербии, на Руси. Наряду с этой общей для южных и восточных славян литературой создавались и памятники, которые не выходили за пределы своей страны. Значение их в создании будущих национальных литератур было особенно велико. В XI веке слой памятников собственно древнерусских был относительно невелик, хотя и чрезвычайно весом: произведения исторические, агиографические, учительные и пр. Но говоря о них как о русских, мы не должны забывать всю условность этого термина для XI—XIII веков: это памятники, общие для трех будущих литератур братских народов — русских, украинцев и белорусов. Понятие «русский» для XI—XIII веков качественно отлито от того же понятия для последующих веков.

Черты национального своеобразия начинают складываться постепенно: еще до образования национальности и нации. В XI—XIII веках это национальное своеобразие также складывается, но оно едино для всех трех восточнославянских народов. Здесь закладываются черты, которые будут свойственны всем трем народам. В последующие века консолидация национальных черт идет все более и более быстро, но эти национальные черты не всегда разъединяют три братских литературы. Общность нарастает, а не уменьшается. Все время существует *общая* литература, *общие* памятники и *общие* писатели.

Не только памятники, но и самые рукописи, книги продолжают переноситься из одной славянской страны в другую — не только у восточных славян, но и у южных, не только в XVII веке, но и в XVIII веке. Каждый, знакомый с рукописными собраниями Советского Союза, Болгарии, Югославии и Румынии, знает это достаточно хорошо. Тем не менее в XVII веке — веке окончательного сложения русской нации — черты национального своеобразия русской литературы сказываются все же достаточно определенно.

Национальное своеобразие сперва охватывает все южно- и восточнославянские литературы и не очень резко выражено, порой оно начинает по преимуществу охватывать три восточнославянские народа. Собственно русские черты формируются сперва в недрах общей для всех восточных и южных славян литературы-посредника, затем — общей литературы трех братских народов. Черты русские и русские традиции вырисовываются постепенно, становятся все более и более четкими. Фокус, сперва широкий, постепенно сужается и только под конец дает резкое изображение. Процесс этой «настройки на фокус» происходит медленно и постепенно. Вот эта особенность сложения национального своеобразия — самая важная черта исторического пути русской литературы XI—XVII веков. Но надо быть внимательным и к другим особенностям исторического развития России, чтобы понять национальное своеобразие русской литературы.

Литературовед, последующий своеобразие литературы, должен очень внимательно учитывать исторические факты. Между тем это не всегда бывает. Связь национального своеобразия с действительностью чаще декларируется, чем учитывается.

А. А. Морозов приводит мое высказывание, что одну из причин того, что Предвозрождение не перешло в России в настоящее Возрождение, следует

искать «в недостаточности экономического развития в конце XV и в XVI в., в ускоренном развитии единого централизованного государства, поглощавшего культурные силы, в гибели городов-коммун — Новгорода и Пскова, служивших в XIV и в начале XV в. базой предвозрожденческих течений, и, самое главное, в силе и мощи церковной организации, подавившей ереси и антиклерикальные течения» (стр. 110). А. А. Морозов пишет по этому поводу: «Однако процесс централизации во Франции и Англии в XVI—XVII веках не помешал развитию литературы. Что же касается Италии, то, как известно, ее объединение произошло значительно позднее, чем Россия» (стр. 110). Но дело не в одной причине, а в их совокупности. Почему же сбрасывать со счетов все, кроме образования централизованного государства? Одно образование централизованного государства, конечно, не могло помешать Возрождению, хотя мешало (и мешало, в частности, на Западе), но ведь речь у меня идет не просто об образовании централизованного государства, а об ускоренности этого процесса при слабом развитии городов. Именно *ускоренность* процесса, вызванная внешней опасностью, поглотила много народных сил, а в XVI веке (во второй его половине) с падением городов-коммун, Новгорода и Пскова, затормозила не только развитие Ренессанса, но и самое развитие литературы, как это хорошо показано Я. С. Лурье в ряде его работ.

Однако ускоренность процесса развития централизованного государства не только «поглотила» народные силы, но и привела в конце XV и начале XVI века к усилению в литературе доли публицистики, к росту общественной мысли, к огромному развитию в литературе тем государственного строительства, государственной истории, к заинтересованности темами социальной справедливости и т. д. Все это закрепилось в литературной традиции и стало на долгие годы характерными чертами русской литературы. Русская литература надолго стала «кафедрой, с которой раздавалось учительное слово». Сознание высокого общественного призвания литературы развилось именно в это время под влиянием исторической необходимости и получило свой особый, национально-русский характер в результате особых форм классовой борьбы в русском обществе XV—XVII веков.

Нет сомнений, что крестьянские восстания XVII века имели гораздо большее значение для формирования национальных особенностей русской литературы этого же времени, чем стиль барокко.

Нет сомнений, что и так называемые петровские реформы имели огромное значение для характера развития литературы, хотя сама эпоха петровских реформ и не ознаменовалась расцветом литературы. Именно в этом смысле я и говорю о «перерыве» в развитии литературы первой четверти XVIII века. Но за перерывом последовало бурное развитие, знаменовавшее собой переход к новой структуре литератур (с новыми соотношениями жанров, новой ролью авторского начала и т. п.). Этот переход к новой русской литературе, как я уже писал, окончательно совершился во второй четверти или во второй трети XVIII века.¹ Этот переход был подготовлен всем развитием древней русской литературы, сказался отчасти уже в XVII веке и был связан с обращением к опыту европейского Запада (с европейским юго-востоком, как я указывал, русская литература была связана всегда). Обращение к Западу было подготовлено всем ходом развития русской литературы XVII века, как были подготовлены русской историей XVII века и так называемые петровские реформы.

Я лишен возможности остановиться подробно на всех этих вопросах в краткой журнальной статье.

Но, помимо этих вопросов, есть еще очень много других, касающихся исторических причин появления своеобразных идейно-художественных особенностей русской литературы и ее развития.

* * *

Итак, национальное своеобразие древней русской литературы и русской литературы XVIII века не в единообразном подчинении всей литературы единому «национальному варианту» того или иного общеевропейского стиля. Свообразие русской литературы следует искать в особенностях ее исторического развития, в особенностях отразившейся в ней классовой борьбы, в сочетании противоборствующих и часто противоречивых черт, в соединении различных и разнообразных сказавшихся в ней национальных характеров.

Всякое своеобразие создается не элементами, а сочетанием элементов. Отдельные черты сами по себе редко составляют индивидуальность. Индивидуальность — в своеобразной структуре, в которую входят эти черты. И надо иметь в виду, что структура индивидуальности создается подчас из противоречивых черт, движущих и развивающих эту структуру. Противоречия и борьба более разнообразны, богаты и показательны, чем «стилистическое единство». Да и самый единый «стиль эпохи» в классовом обществе никогда не бывает единственным.

¹ См. более подробно в моей книге «Поэтика древнерусской литературы» (изд. «Наука», Л., 1967, стр. 20 и 21).

В поисках своеобразия надо прежде всего обращать внимание на разнообразие и на те сочетания, которые это своеобразие как раз и образуют. Метод поиска единого стиля для нации или национальностей, единого национального варианта всех общеевропейских стилей, как и одного национального характера, вряд ли может считаться плодотворным. Национальное своеобразие — в богатстве и разнообразии, в структурных соотношениях, освещаемых их отношением к исторической действительности, а не в стилистическом единстве.

Рука, пытающаяся нащупать стилистическое единство или выхватить несколько черт из сложной системы национального своеобразия для его определения, хватает пустоту.²

² В последнее время вопросы национального своеобразия древнерусской литературы, кроме статьи А. А. Морозова, затрагиваются также в первой главе второго издания книги Б. И. Бурсова «Национальное своеобразие русской литературы» (изд. «Советский писатель», Ленинградское отделение, 1967). На стр. 9—14 Б. И. Бурсов переизлагает взгляды каких-то «современных исследователей» древнерусской литературы, которые и опровергает не в очень вежливой форме. Переизлагаемые им взгляды этих «исследователей» отдаленно напоминают мои (отождествление возможно по затрагиваемым темам, которые были подняты мною в книге «Поэтика древнерусской литературы», по терминологии, мной вводимой, и отдельным обсуждаемым фактам). Поскольку Б. И. Бурсов пишет, что эти некие исследователи спорят с ним лично («нам предлагают», «нам говорят» — стр. 10, «нам намекают» — стр. 11, «нам заявляют» — стр. 12 и пр.), и при этом все-таки не называет их по фамилиям, считаю уместным отметить, что я, как один из немногих «современных исследователей» древнерусской литературы, с Б. И. Бурсовым не спорил и не спору. Предлагаю читателям, если это покажется им интересным, самим сравнить то, что пишу я на стр. 5—23 своей книги «Поэтика древнерусской литературы», с тем, что пишет Б. И. Бурсов на стр. 9—14 своей книги «Национальное своеобразие русской литературы».